

Вечер. Ги де Мопассан

Унтер-офицер Варажу выхлопотал недельный отпуск с тем, чтобы провести его у своей сестры, г-жи Падуа. Варажу служил в гарнизоне Ренна и жил в свое удовольствие, но оказался без гроша, был не в ладах с родителями и написал сестре, что готов посвятить ей свободную неделю. Дело было не в том, что он очень любил г-жу Падуа, склонную к нравоучениям, набожную и вечно раздраженную мешчанку, но ему были нужны, до крайности нужны деньги, и он вспомнил, что из всех своих родных он еще ни разу не обирал семейство Падуа.

Отец Варажу, анжерский садовод, удалившийся от дел, закрыл кошелек для повесы-сына и не видался с ним уже два года. Дочь его вышла замуж за бывшего акцизного чиновника Падуа, недавно назначенного сборщиком налогов в Ванн.

Выйдя из поезда, Варажу отправился к зятю на дом. Он застал его в канцелярии, поглощенного спором с местными бретонскими крестьянами. Падуа приподнялся со стула, протянул ему руку через заваленный бумагами стол и пробурчал:

— Садитесь, через минуту я буду в вашем распоряжении.

Затем он снова сел и продолжал спор.

Крестьяне не понимали его объяснений, сборщик не понимал их рассуждений; он говорил по-французски, те — по-бретонски, а конторщик, служивший переводчиком, видимо, никого не понимал.

Тянулось это долго, бесконечно долго. Варажу, разглядывая своего зятя, думал: «Какой кретин!» Падуа на вид было около пятидесяти лет; он был высокий, тощий, костлявый, медлительный и волосатый; его густые дугообразные брови нависали над глазами, как два мохнатых свода. Он сидел в бархатной шапочке, расшитой золотыми фестонами, и в его взгляде была такая же вялость, как и во всех движениях. Его речь, жесты, мысли — все было вялым. «Какой кретин!» — повторял про себя Варажу.

Сам он был из тех крикливых озорников, для которых главные удовольствия в жизни — кофейня и публичная женщина. За пределами этих двух полюсов для него уже ничто не существовало. Хвастун, буян, полный пренебрежения ко всем на свете, он с высоты своего невежества презирал всю вселенную. Говоря: «Черт подери, какой кутеж!», он, конечно, выражал высшую степень восхищения.

Удалив наконец крестьян, Падуа спросил:

— Как поживаете?

— Как видите, неплохо. А вы?

— Благодарю вас, хорошо. Очень любезно с вашей стороны, что надумали нас навестить.

— Я давно уже собирался, да, знаете, на военной службе не очень-то бываешь свободен.

— Еще бы! Знаю, знаю. Все-таки это очень любезно.

— Здорова ли Жозефина?

— Да, да, благодарю, вы ее сейчас увидите.

— Где же она?

— Делает визиты; у нас здесь много знакомых; это весьма порядочный город.

— Полагаю, что так.

Дверь отворилась. Появилась г-жа Падуа. Она, не торопясь, подошла к брату, подставила ему щеку и спросила:

— Ты давно уже здесь?

— Нет, с полчаса.

— А я думала, что поезд опоздает. Не перейти ли нам в гостиную?

Они направились в соседнюю комнату, оставив Падуа с его цифрами и налогоплательщиками.

Оставшись с братом наедине, она сказала:

— Ну, и хорошие вещи рассказывают про тебя!

— Что такое?

— Оказывается, ты повесничаешь, пьянствуешь, делаешь долги.

Он прикинулся удивленным.

— Я? Никогда в жизни!

— Не пробуй отрицать, я знаю все!

Он сделал попытку защищаться, но получил от нее такой жестокий нагоняй, что должен был умолкнуть. Потом она добавила:

— Мы обедаем в шесть. До обеда ты свободен. Я не могу составить тебе компании, так как у меня по горло всяких дел.

Оставшись один, он колебался — вздремнуть ему или прогуляться? Он посматривал то на дверь, ведущую в его комнату, то на дверь, выходящую на улицу. Наконец решил пройтись.

И он пошел бродить медленным шагом, волоча саблю, по улицам унылого, словно вымершего бретонского городка, который тихо дремал на берегу закрытой бухты, называемой Морбиган. Глядя на редких прохожих, на серые домишки, на пустые лавки, он бормотал:

— Ну и городишко этот Ванн, — ни повеселиться, ни почудить. Дернуло же меня сюда приехать!

Он добрел до пристани, весьма угрюмой, и направился обратно по запущенному, пустынному бульвару; не было и пяти часов, как он вернулся домой и бросился в постель, чтобы подремать до обеда.

Служанка разбудила его, постучав в дверь.

— Обед подан, сударь.

Он спустился вниз.

В сырой комнате, с отстающими у пола обоями, на круглом столе без скатерти сиротливо стояли суповая миска и три тарелки.

Супруги Падуа вошли одновременно с Варажу.

Уселись; муж и жена мелким крестиком перекрестили себе живот, после чего Падуа стал разливать жирный суп. День был скоромный.

После супа подали говядину, передержанную, разваренную, жирную, превратившуюся в какое-то месиво. Унтер-офицер жевал ее медленно, с отвращением, ожесточенно, через силу.

Г-жа Падуа обратилась к мужу:

— Ты пойдешь вечером к старшему председателю суда?

— Да, дорогая.

— Смотри, не засиживайся. Ты всегда утомляешься в гостях. С твоим слабым здоровьем тебе не до светской жизни.

И она заговорила о ваннском обществе, о том прекрасном обществе, в котором супруги Падуа были приняты с почетом благодаря своим религиозным убеждениям.

Затем, в честь новоприбывшего, подали жареную колбасу с картофельным пюре.

Потом — сыр. И все. Кофе не полагалось.

Когда Варажу понял, что ему предстоит провести вечер вдвоем с сестрой, сносить ее упреки, выслушивать проповеди, не опрокинув при этом ни одной рюмки, чтобы запить все эти нравоучения, он почувствовал, что не выдержит такой пытки, и заявил, что ему надо сходить в жандармское управление по поводу своего отпуска.

Он удрал уже в семь часов.

Едва очутившись на улице, он стал отряхиваться, как собака после купания, бормоча:

— Ах, чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя! Какое наказание!

И он пустился на поиски кафе, самого лучшего в городе. Он нашел его на площади; два газовых рожка горели у входа. В зале пять — шесть не слишком шумных посетителей средней руки пили и тихо разговаривали, облокотясь на столики, а двое игроков ходили вокруг бильярда, где, сталкиваясь, перекатывались по зеленому сукну шары.

Было слышно, как игроки считали:

— Восемнадцать, девятнадцать. Вот не везет. Красивый удар! Здорово сыграно! Одиннадцать. А почему не с красного? Двадцать. Прямым, прямым ударом. Двенадцать. Ну, что! Разве я не прав?

Варажу заказал:

— Чашечку кофе и графинчик самого лучшего коньяка.

Потом сел, ожидая заказанного.

Он привык проводить свободные вечера с товарищами среди шума и табачного дыма. Эта тишина, это спокойствие раздражали его. Он

выпил сначала кофе, затем графинчик коньяка, потом второй. Теперь ему хотелось смеяться, петь, кричать, поколотить кого-нибудь.

Он сказал себе: «Черт побери, вот я и зарядился. Теперь недурно бы кутнуть». И ему пришла мысль разыскать девиц и повеселиться. Он позвал официанта:

— Эй, малый!

— Что прикажете, сударь?

— Скажи-ка, малый, где бы тут у вас покутить?

Слуга был ошеломлен этим вопросом.

— Не знаю, сударь. Да вот здесь.

— Как здесь? Что же ты тогда называешь кутежом?

— Да не знаю, сударь. Ну там — пить хорошее пиво или вино.

— Ах ты, дуралей, а девицы? Ты о них позабыл?

— Ах, девицы!

— Ну да, девицы, где их здесь найти?

— Девиц-то?

— Ну да, девиц.

Официант подошел поближе и понизил голос.

— Вы спрашиваете, где ихнее заведение?

— Ну да, черт побери!

— Вторая улица налево, а потом первая направо. Номер пятнадцать.

— Спасибо, старина. Вот тебе за это.

— Благодарю, сударь.

И Варажу вышел, повторяя про себя:

— Вторая налево, первая направо, пятнадцать.

Но через несколько секунд он подумал: «Вторая налево, это так. Но, выйдя из кафе, куда надо было взять, направо или налево? Ба! Все равно, там видно будет».

Он пошел прямо, свернул во вторую улицу налево, потом в первую направо и стал разыскивать номер пятнадцатый. Снаружи это был довольно красивый дом; во втором этаже сквозь щели закрытых ставен светились окна. Входная дверь была полуоткрыта, а в прихожей горела лампа. Унтер-офицер подумал: «Наверное, здесь».

Он вошел и, так как никто не появлялся, крикнул:

— Эй, эй!

Вошла служанка и остановилась в недоумении при виде солдата.

Он сказал ей:

— Здравствуй, детка. Дамы наверху?

— Да, сударь.

— В гостиной?

— Да, сударь.

— Нужно подняться по лестнице?

— Да, сударь.

— Дверь прямо?

— Да, сударь.

Варажу поднялся по лестнице и открыл дверь; в комнате, ярко освещенной люстрой, двумя лампами и двумя канделябрами, он увидел четырех декольтированных дам, по-видимому, кого-то ожидавших.

Три из них, помоложе, с несколько принужденным видом сидели на стульях, обитых гранатовым бархатом, а четвертая, лет сорока пяти, поправляла цветы в вазе. На этой даме, очень полной, было зеленое шелковое платье, напоминавшее чашечку чудовищного цветка; из складок выступали ее непомерно толстые руки и огромный красноватый напудренный бюст.

Унтер-офицер поклонился:

— Здравствуйте, сударыня.

Пожилая дама повернулась; казалось, она была изумлена, однако поклонилась:

— Здравствуйте, сударь.

Он сел.

Но, увидав, что его не слишком радушно принимают, он подумал, что, вероятно, в этот дом имели доступ только офицеры. Эта мысль его смутила. Но затем он решил: «Ба! если кто из них придет сюда, — мы еще посмотрим!» Он спросил:

— Ну, как живете?

Толстая дама, видимо хозяйка дома, отвечала:

— Очень хорошо, спасибо.

Больше он ничего не мог придумать; некоторое время все молчали.

Однако ему стало стыдно своей робости, и он принужденно засмеялся:

— Разве так веселятся? Ставлю бутылку вина...

Он не успел кончить фразу, как дверь открылась, и появился Падуа в черном фраке.

Варажу вскочил, с криком ликования бросился к зятю, обхватил его и пустился с ним в пляс вокруг гостиной, вопя во все горло:

— Вот и Падуа!.. вот и Падуа!.. вот и Падуа!..

Затем, отпустив растерявшегося сборщика налогов, он расхохотался ему в лицо:

— Ха-ха-ха! Ну и проказник. Ну и проказник... Так ты, значит, гуляешь? Ах ты, проказник... А моя сестра?.. Ты изменяешь ей, да?..

И, представив себе все выгоды неожиданного положения — принудительный заем и верный шантаж, — он бросился врястяжку на диван и принялся так хохотать, что весь диван под ним трещал.

Три молодые дамы, разом поднявшись, обратились в бегство, а пожилая, близкая к обмороку, отступала к двери.

Вошли два господина, оба во фраках и в орденах. Падуа бросился к ним:

— Ах, господин председатель... он сумасшедший!.. он сумасшедший!.. Его прислали к нам на поправку... Вы же видите, он сумасшедший.

Варажу сел, ничего не понимая; вдруг ему пришло в голову, что он совершил какую-то чудовищную глупость. Он встал и, подойдя к зятю, спросил:

— Где же мы находимся?

А Падуа, внезапно охваченный безумным гневом, бормотал:

— Где... где... где мы находимся?.. Негодяй... бездельник... мерзавец... Где мы находимся? У господина старшего председателя суда!.. У господина председателя де Мортмэн... де Мортмэн... де... де... де Мортмэн... Ах!.. ах!.. подлец!.. подлец!.. подлец!..

Примечания

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 29 марта 1887 года.